

ТРАКТОВКА ЦЕННОСТЕЙ В ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК НОРМАТИВНЫЙ ФОРМАТ ДИСКУРСА О РЕЛИГИИ

Смирнов М.Ю.

Аннотация. Автор анализирует тезаурус основных российских нормативно-правовых актов на предмет формируемого ими ценностного отношения к религии.

Ключевые слова: государственная религиозная политика, государственно-конфессиональные отношения, ценности, нормы, Конституция РФ, нормативно-правовые акты, дискурс о религии.

INTERPRETATION OF VALUES IN OFFICIAL DOCUMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A NORMATIVE FORMAT OF DISCOURSE ON RELIGION

Smirnov M.Yu.

Abstract. The author analyzes the thesaurus of the main Russian normative legal acts for the value attitudes they form towards religion.

Keywords: state religious policy, state-confessional relations, values, norms, the Constitution of the Russian Federation, regulations, discourse about religion.

Официальные декларации аксиологического характера обычно существуют отдельно от реальности, выступая в качестве установок долженствования в соответствии стратегическому направлению государственной политики. И обращение к ним в большинстве случаев либо носит ритуальный характер подтверждения неких основ (мировоззренческих, идеологических, моральных), либо происходит, когда кого-то требуется приструнить (дескать, вы что — против традиционных ценностей? ... наподобие приснопамятного — вы что, против советской власти?). И за возникающей тогда суетой фактически теряются базовые смыслы ценностей, к которым апеллируют, не вникая в их значения, произнося с пафосом на манер заклинания.

Примером стало уже почти ушедшее из публичного обихода взывание к пресловутым «духовным скрепам». Ушедшее, кстати, не в последнюю очередь в силу полной девальвации этого взывания. Аналогичная ситуация сложилась и вокруг другого, сопряжённого со «скрепами», понятия — «традиционные ценности».

Выступая на первом пленарном заседании Всемирного русского народного собора 31.10.2013, патриарх Московский и всея Руси Кирилл вполне обоснованно поставил вопрос о значении для общества устойчивой системы ценностей, определяющей мотивацию к социальной солидарности.

По его словам: «Безусловно, люди разных взглядов и убеждений не всегда понимают общественные ценности одинаково. Есть оттенки и нюансы, есть пространство для дискуссии, для диалога. Невозможен, однако, никакой диалог с теми, кто эти ценности грубо принижает, высмеивает, топчет, кто разрушает межнациональный и межрелигиозный мир. Сегодня отрицание ценностей стало одним из самых опасных проявлений сил духовного разрушения. В этой ситуации защита ценностей — это защита нашего духовного суверенитета» [4].

Замечу, что в приведённой программной сентенции религиозного лидера нет апелляции к сугубо религиозным ценностям. И это по-своему оправдано. Да, религиозные организации в России обладают своей конфессиональной аксиологией, в том числе — выраженной в соответствующих документах об основах их социальной позиции (есть такие у православных из РПЦ МП, у протестантских церквей, адвентистов седьмого дня, христиан веры евангельской, лютеран аугсбургского исповедания, российских мусульман и российских иудаистов). Однако участники всех этих религиозных объединений одновременно и прежде всего — граждане Российской Федерации, где кроме религиозных людей есть нерелигиозное население и все граждане находятся в аксиологическом пространстве светского государства и секулярного общества. Поэтому ценностные ориентиры общегражданского свойства не могут быть привязаны к какой-либо религиозной традиции.

Такая постановка проблемы побуждает, прежде всего, определить, что именно в современной России рассматривается в качестве ценностей, каким образом в официальном дискурсе, на уровне документов государственного значения формируется, так сказать, базовый ценностный набор.

Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537 была утверждена **«Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.»**, разработанная межведомственной рабочей группой Межведомственной комиссии Совета безопасности РФ по проблемам стратегического планирования. Пункт 1.1. документа содержал перечень **общих ценностей** в такой формулировке: «Укрепляется общественное согласие на основе общих ценностей — свободы и независимости Российского государства, гуманизма, межнационального мира и единства культур многонационального народа Российской Федерации, уважения семейных традиций, патриотизма» [7].

В июле 2014 г. в текст этой «Стратегии...» был внесён ряд изменений, а в конце 2015 г. документ был существенно переработан и утверждён Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 **«О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»**. Здесь перечисление **общих ценностей** было дано в уточнённой редакции (пункт 11): «Происходит консолидация гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие,

единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм».

Наряду с этим, обновленная «Стратегия...» ввела понятие *традиционные российские духовно-нравственные ценности*, к которым в пункте 78 были отнесены: «приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» [8].

Наконец, Указом Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400 был введен в действие новый вариант «**Стратегии национальной безопасности Российской Федерации**», где пункт 91 содержит последнюю версию «традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; к ним относятся: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [9].

Ещё один официальный перечень ценностей содержится в «**Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года**» (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р), которая использует термин *духовно-нравственные ценности* и перечисляет их. В разделе «Общие положения» этого документа говорится: «Стратегия опирается на систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России, таких как человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством» [10]. Раздел III этого документа (Основные направления развития воспитания) содержит ещё ряд наименований ценностей, но уже без их конкретизации: «традиционные семейные духовно-нравственные ценности» и «традиционные российские культурные, в том числе эстетические, нравственные и семейные ценности» (п. 1); «традиционные культурные, духовные и нравственные ценности российского общества» и «российские культурные, нравственные и семейные ценности» (п. 2).

Итак, употребление эпитета «традиционные» стало частым атрибутом по отношению к ценностям, упоминаемым в официальном дискурсе. В то же время, пояснение смысла «традиционности», за исключением отсылок к исторической длительности существования, фактически отсутствует. По справедливому замечанию Е.А. Степановой: «Главный недостаток темы традиционных ценностей ... заключается в том, что она существует лишь на дискурсивном уровне, никак не проявляясь в повседневных моральных практиках, хотя должна была бы способствовать формированию

национальной идентичности, преемственности в ходе социальных трансформаций и излечению связанных с ними травм» [6, с. 313].

Перевод декларируемых ценностей в практическую сферу подразумевался, очевидно, в документах, посвящённых некоторым направлениям государственной политики. Прежде всего, это **«Основы государственной культурной политики»** (утверждены Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808). Здесь уже во Введении дана характеристика культуры как инструмента передачи новым поколениям *свода моральных, этических и эстетических ценностей, составляющих ядро национальной самобытности*. В разделе «Общие положения» в понятие культуры включены сохранение, производство, трансляция и распространение «духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т. д.)»; к содержанию культурной политики отнесено формирование личности на основе «присущей российскому обществу системы ценностей»; «духовная сфера» определена как «система представлений о мире и человеке, о человеческом обществе и отношениях людей, о ценностях и их иерархии», а «менталитет, ментальность русского народа» — как «совокупность интеллектуальных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих россиянам». Среди целей государственной культурной политики (раздел IV) указана передача от поколения к поколению *«традиционных»* (курсив мой — М.С.) для российской цивилизации ценностей и норм, *традиций* (курсив мой — М.С.), обычаев и образцов поведения». К числу принципов государственной культурной политики (раздел V) отнесена реализация права на доступ к «культурным ценностям». А в перечне задач государственной культурной политики (раздел VI) в области воспитания значится утверждение в общественном сознании «традиционных семейных ценностей» [2].

Можно заметить, что конкретизация значимых ценностей идёт по пути умножения понятийного ряда, без раскрытия содержания вводимых понятий. Аналогичную картину демонстрирует и документ **«Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 г.»** (утверждён распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р). В постановке целей и приоритетных задач государственной молодёжной политики (раздел III, пункт 7.а) указывается на «формирование системы ценностей с учетом многонациональной основы нашего государства, предусматривающей создание условий для воспитания и развития молодёжи, знающей и ответственно реализующей свои конституционные права и обязанности, обладающей гуманистическим мировоззрением, устойчивой системой нравственных и гражданских ценностей, проявляющей знание своего культурного, исторического, национального наследия и уважение к его многообразию, а также развитие в молодёжной среде культуры созидательных межнациональных отношений», и далее ещё упоминается «укрепление нравственных ценностей»; а пункт 7.в указывает на «формирование ценностей здорового образа жизни» [3].

Во всех приведённых официальных документах отсылки к религиозному контенту ценностей предельно минимальны (изредка встречается слово «конфессиональные»; чаще, но без явной привязки к религии, слово «духовные»). В принципе, это можно считать показателем реализма данных документов, составители которых не могли не учитывать наличное *состояние диффузного отношения к религии в современном российском обществе*. Согласно исследовательским выводам, «в секулярном обществе религиозные ценности не воспринимаются светскими людьми как терминальные, определяющие их жизнь и поступки, — скорее как то, что присутствует в воспитании и образовании и перенимается молодым поколением автоматически. Поэтому, анализируя религиозные ценности, сравнивая их с другими ценностями культуры, молодёжь даёт им низкие оценки, понимая, что они присутствуют в их сознании как часть культурного багажа, но не как реальные руководства к действию» [1, с. 491].

Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 **«О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.»** обозначил целый диапазон ценностей, которые необходимо учитывать при формировании государственной национальной политики. В документе, уже без перечисления, дана отсылка к «традиционным российским духовно-нравственным ценностям» (п. 14 и п. 21д), причём указано, что происходит их размывание, «в том числе, вследствие глобализации». Дополнительно, хотя без какого-либо определения, введено понятие «культурные ценности народов России» (п. 21^а). также без определений в тексте значатся понятия «социальные и культурные ценности» (п. 4в) и «базовые ценности российского общества» (п. 4г). Перечисление встречается только в п. 11б, где говорится о *единых принципах и ценностях* (без их разделения, то есть как об одном и том же), к которым отнесены: «патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь, коллективизм» [11].

Упомяну, наконец, и Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 № 1493 (ред. от 20.11.2018) **О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 — 2020 годы»**. В этом документе понятие «ценности», как само по себе, так и в любом сочетании — отсутствует полностью; вероятно, патриотическое воспитание это уже само по себе ценность.

Даже при наличии нескольких вариантов перечисления того, что следует рассматривать как социально необходимые ценности, терминологический разброс в их обозначении и неопределённость употребления существенно снижают обязывающий статус ценностных ориентиров государственной политики. Пожалуй, что единственным внятным и постоянным является мотив традиционности ценностей, то есть обращённость к отечественному историческому опыту. Однако в каком объёме этот опыт реально необходим и возможен к применению — это

остаётся за пределами официальных формулировок, что приводит лишь к декларативному их характеру и соответствующему сниженному восприятию.

В любом случае следует помнить, что в состав основ конституционного строя Российской Федерации входит норма, предписанная 2-й статьёй **Конституции РФ**: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства».

Эта норма, в какой-то степени, как бы отсылает к библейскому установлению: «И сказал им: суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк. 2: 27), — то есть расставляет приоритеты в соотношении единичного (человека) и общего (официальной институции), отдавая первенство человеку, а не кодифицированному институту. Из конституционной нормы следует, что ценностным ориентиром является не государство для человека, а человек для государства. В данном случае можно говорить о праве человека на свободный выбор своего отношения к религиозным и иным убеждениям, которое государство обязано соблюдать и защищать.

В плане отношения к религии принципиальной является 14-я статья Конституции: «1. Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». Положения этой статьи ориентируют на государственную политику в отношении к религии и к объединениям последователей разных религий в России. Важными законоположениями выступают нормы о светском государстве и невозможности установления любой религии как обязательной.

По сути, постулируется *сепарационная (отделительная) модель* взаимоотношения государства и религиозных объединений. Присущие этой модели в Российской Федерации признаки подробно сформулированы в 4-й статье Федерального закона «**О свободе совести и о религиозных объединениях**» от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ [14].

Поскольку религии — это, прежде всего, убеждения людей, на основе чего выстраиваются траектории специфического индивидуального и группового поведения (религиозные практики, религиозные объединения), то имеет значение, как определяется в государстве и обществе отношение к убеждениям. Очевидно, что сопряжённость религиозных и нерелигиозных убеждений создаёт для дискурса о религии неоднозначный и сложный контекст, где возможно появление и выявление самых разных мировоззренческих образований.

Для понимания легитимности различных мировоззренческих явлений ключевой является 28-я статья Конституции: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними». Из

содержания данной статьи очевидно, что свобода совести имеет широкий смысл, включая не только какое-либо отношение к религии, но и право на иные убеждения.

Надо обратить внимание на то, что никакого определения религии Конституция благоразумно не содержит. При этом слово «религия» встречается в трёх статьях: в статье 14-й («государственная религия»; «обязательная [религия]» — оба упоминания имеют отрицательную коннотацию, указывающую на недопустимость установления); в статье 19.2 («отношение к религии»); в статье 28-й («исповедовать любую религию»).

Дважды применено слово «вероисповедание»: в статье 28-й («[свобода] вероисповедания») и в статье 59.3 («вероисповедание», как признаваемое основание для замены военной службы на альтернативную гражданскую службу). Наряду с этим, по одному разу (в статье 28-й) употребляются фразеологизмы «исповедовать» — в отношении к «любой религии», и «не исповедовать никакой [религии]».

Трижды встречаются понятия, указывающие на недопустимые стороны отношения к религии — «религиозная рознь» (статья 13.5), «разжигание» которой запрещается; «религиозная ненависть» и «религиозная [вражда]» (статья 29.2), «возбуждающие» которых пропаганда и агитация не допускаются. К ним примыкает и понятие «религиозное превосходство» (статья 29.2), пропаганда которого законодательно запрещается.

В положительном смысле Конституция применяет понятия «религиозные убеждения» (статья 28-я) и «религиозная принадлежность» (статья 19.2). Также положительное значение имеют в Конституции понятия «светское государство» (статья 14-я) и «свобода совести» (статья 28-я). На статью 28-ю (о свободе совести, вероисповедания) дана ссылка в статье 56.3, согласно которой «не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные», в том числе, статьей 28.

В предметность дискурса о религиях можно также включить норму статьи 72.1.м, относящую к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации «традиционный образ жизни малочисленных этнических общностей» — очевидно, что верования этих общностей входят в понятие традиционного образа жизни.

Наконец, важным предметом рефлексии над религией следует рассматривать использование в Конституции понятия «вера». Это понятие употреблено в двух контекстах. Первый контекст — в преамбуле Конституции — указывает на «веру в добро и справедливость», переданные нам («многонациональному народу Российской Федерации») предками. Второй контекст — в статье 67.1.2 — связывает понятие веры с Богом: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога...».

Эта интерполяция в Конституцию РФ была произведена в 2020 году [12] и вызвала неоднозначную реакцию, в связи с чем Конституционный Суд Российской Федерации был вынужден дать разъяснение: «Включение в текст Конституции Российской Федерации

указания на веру в Бога, переданную народу России предками (статья 67.1, часть 2), не означает отказа от светского характера Российского государства, провозглашенного в ее статье 14, и от свободы совести, гарантируемой ее статьей 28, поскольку по своей формулировке не сопряжено с конфессиональной принадлежностью, не объявляет наличие тех или иных религиозных убеждений обязательным в Российской Федерации, не ставит вопреки статье 19 (часть 2) Конституции Российской Федерации граждан России в неравное положение в зависимости от наличия такой веры и ее конкретной направленности и призвано лишь подчеркнуть необходимость учета при осуществлении государственной политики той исторически значимой социально-культурной роли, которую религиозная составляющая сыграла в становлении и развитии российской государственности» [13].

Можно заключить, что содержание ряда статей Конституции РФ даёт основание для корректировки значений понятийного аппарата, применяемого в российском религиоведческом дискурсе.

Литература

1. Ивлева М. Л., Курилов С. Н., Россман В. И. Религиозные ценности глазами молодежи: опыт социологического исследования // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2018. Т. 18. № 3. С. 481-493.
2. Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70828330/>
3. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Утверждены распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>
4. Патриарх Кирилл: «Защита ценностей — это защита нашего духовного суверенитета». [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2013/10/31/patriarh_kirill_zawita_cennostej_eto_zawita_nashego_duh_ovnogo_suvereniteta/
5. Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 № 1493 (ред. от 20.11.2018) О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 — 2020 годы». [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkJ1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>
6. Степанова Е. А. Традиционные ценности: специфика религиозного и светского обоснования // Наука о религии в XXI веке: традиционные методы и новые парадигмы: Материалы Второго конгресса российских исследователей религии. Санкт-Петербург, 20-22 ноября 2014 года. СПб., 2014. С. 292-313.
7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Утверждена Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537. [Электронный ресурс]. URL: <https://library.fsetan.ru/doc/o-strategii-natsionalnoj-bezopasnosti-rossijskoj-federatsii-do-2020-goda-s-izmeneniyami-na-1-iyulya-2014-goda/>
8. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.2235068719104527#026987987948285075>
9. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>
10. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/printable/2015/06/08/vospitanie-dok.htm>

11. Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72020010/>
12. Конституция Российской Федерации с изменениями, вынесенными на Общероссийское голосование 1 июля 2020 года. М.: Эксмо, 2020. — 64 с.
13. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации. Санкт-Петербург, 16 марта 2020 г. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision459904.pdf>
14. О свободе совести и о религиозных объединениях. Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11523>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: КОНСТАНТЫ И ТЕНДЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Старичёнок В.В.

Аннотация. В статье исследованы трансформация исторической памяти Беларуси, константы, определяющие умонастроения граждан, основные тенденции общественного мнения. С опорой на разнообразные источники: монографии, учебные пособия, научные статьи, результаты социологических опросов — проанализированы особенности реализуемой в Беларуси исторической политики, суть альтернативных исторических нарративов, специфика восприятия белорусами прошлого, оценка ими советского периода, возрастные различия во мнении населения. Установлено, что в целом для жителей республики характерны секулярно-рациональная матрица ценностей, умеренная религиозность, доминирующее влияние советской и русской культуры на национальную идентичность, положительное отношение к БССР. В то же время значительное количество белорусов воспринимают эпоху независимости как отдельный исторический период, который является для них самым важным в истории страны.

Ключевые слова: историческая память, прошлое, историческая политика, общественное мнение, образ СССР.

TRANSFORMATION OF HISTORICAL MEMORY: CONSTANTS AND TRENDS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

Starichenok V.V.

Abstract. The article reveals the transformation of the historical memory of Belarus, the constants that determine views of citizens, the main trends of public opinion. Using various sources (monographs, textbooks, scientific articles, results of sociological surveys), the author analyzes the features of the historical policy implemented in Belarus, the essence of alternative historical narratives, the specificity of Belarusians' perception of the past, their assessment of the Soviet